

П.Д. Баренбойм

*Адвокатская палата
г. Москвы,
кандидат
юридических наук*

Хемингуэй российской юридической науки: портрет профессора Августа Алексеевича Мишина

В этом году исполнилось 85 лет со дня рождения (18 июля 1924 г.) и, к сожалению, 16 лет со дня смерти (23 августа 1993 г.) легендарного (как его справедливо назвал в своей публикации известный правовой публицист Валерий Руднев) профессора юридического факультета Московского университета Августа Алексеевича Мишина. В октябре этого года мне пришлось услышать от одного из самых влиятельных судей России мысль, что если бы Мишин преподавал не в Москве, а в Ленинграде, там могла бы сложиться сильная школа конституционализма, которая, в свою очередь, оказала бы благотворное воздействие на подготовку выпускников Петербургского университета. Честно говоря, даже для меня — ученика и поклонника Мишина услышанное оказалось неожиданностью.

В 60-е и 70-е годы эталоном мирового мужества был американский писатель, нобелевский лауреат Эрнест Хемингуэй. Мишин поразительно походил на него не только бородой, крупным телосложением и мужественной внешностью, но и неукротимым стремлением к противоборству глупости, жадности, мелочности, самодовольству и подавлению человеческой индивидуальности, чем особенно отличалась правящая часть тогдашнего советского общества. Он воевал, потерял на войне руку, отсутствие которой никто не замечал, потому что он умел одной рукой делать больше, чем остальные двумя.

К его 80-летию в МГУ была проведена большая международная конференция и по ее итогам опубликована книга «Профессор Август Мишин» (М.: Юстицинформ, 2005). Приведу оттуда только заголовки опубликованных выступлений:

- «А.А. Мишин — классик современной юридической науки»;
- «Профессор в России больше, чем профессор»;
- «Остроумнейший профессор Московского университета»;
- «И лектор, и ученый он был от Бога»;
- «Его гражданская позиция была открыта и ясна»;
- «А.А. Мишин всегда искал свою конституционную чашу Грааля»;
- «Пример честного служения Отечеству»;
- «Его место, к сожалению, не занято».

Как говорится, комментарий не требуется. В моей жизни Август Алексеевич сыграл решающую роль. На 4-м курсе юрфака МГУ я услышал его знаменитую (но нигде письменно не зафиксированную) лекцию о демократии. После лекции я в мгновение ока был внизу у кафедры и просил профессора взять меня на свою специализацию и в студенческий научный кружок, который он вел. На вопрос профессора, знаю ли я английский язык, я решительно кивнул, хотя до этого в школе

и университете учил немецкий. Пришлось и язык выучить, и диссертацию под руководством Мишина защитить. Вся моя жизнь повернулась после той лекции.

Я бы не отрывал 85-летие Августа Алексеевича Мишина от такой относительно недавней даты, как 250-летие Московского университета. В связи с этим я задумался вот о чем: мы смешали два жанра — жанр профессора и жанр ученого. Мы говорим о книгах и статьях Августа Алексеевича, которые остались. А ведь профессор — это в первую очередь устный жанр, это лекции, это общение со студентами. И если это письменно не фиксируется, то и не остается в памяти, а в итоге для истории науки сохраняется всегда меньшая часть того, что человек реально сделал. Но те, кто слушали лекции Мишина, хотя и не сохранили их в записях, пригодных для опубликования, впитали в себя не только мысли, но и энергетику этого человека, его дух, его эмоциональный порыв, а в итоге это оказало на историю российского конституционализма совсем не меньшее влияние, чем книга или статья.

Мне случайно попалась на глаза инструкция, написанная от имени императора Александра I для преподавания политического права в университетах того времени. Политическое право, я думаю, — это государственное, или конституционное, право. В инструкции указывались авторы, которых нельзя цитировать и от которых студентов надо всячески отвращать. Среди них были Макиавелли, Гоббс и некоторые другие. И вот о чем я подумал: юридическому факультету Московского университета 250 лет, и на протяжении всех этих лет лучшие профессора Московского университета лучшие свои идеи высказывали в лекциях, потому что книги их были точно подцензурны, а лекции, наверное, тоже подцензурны, но явно в меньшей степени. Технические средства были еще не так развиты, и точно зафиксировать свободное слово тайной полицией не удавалось, поэтому оно попадало к студентам, оно было обращено к студентам. Об этом очень важно сказать. Ведь Мишин в своих книгах совершенно не уместается как ученый. Его лекции, его идеи, которые он высказывал, мысли, которые он давал людям, — это то, что, к сожалению, во многом не зафиксировано письменно. Вот у Гегеля или у Грановского студенты лекции записывали, были подобросовестнее нас, студентов моего поколения. Во всяком случае, многие мысли этих великих профессоров в студенческих записях сохранились.

От лекций Мишина осталось ощущение какого-то головокружительного полета мысли, мысли, которая была понятна всем, которая захватывала аудиторию. Я думаю, что учениками Августа Алексеевича Мишина были не только его аспиранты, не только те студенты, которые ходили в кружок или на специализацию по государственному праву зарубежных стран. Это были все те, кому когда-либо приходилось слушать его лекции или какие-либо публичные выступления. Именно через свои лекции, именно через свои выступления он нес те идеи, которые вот так вдруг овладели страной в начале 90-х годов и попали в Конституцию. Статья 10 Конституции о разделении властей, я думаю, прямо связана не только с монографией Августа Алексеевича, единственной, кстати, по этой проблеме в то время, но и с его лекциями, где он эту идею развивал. За многие годы тысячи студентов, уходящих из его аудитории, впитали эту идею, и она естественным образом попала в Конституцию Российской Федерации и является, собственно, главной надеждой нашего конституционного строя на сегодняшний момент.

Августа Алексеевича, к сожалению, с нами уже давно нет. Да, переиздается учебник, а вот его вклад как лектора, как оратора, как профессора, выступающего с кафедры, потихонечку начинает уходить, рассеиваться. Думаю, крайне важно, чтобы имя Августа Алексеевича Мишина вошло в историю не только юридического факультета, но и всего Московского университета.

В музее юридического факультета МГУ бросается в глаза, что собственно юристов среди знаменитых выпускников не так уж много. Точнее, тех, кто прославился именно на юридическом поприще, а не стал драматургом, как А.Н. Островский, поэтом, как А.А. Фет, режиссером, как В.И. Немирович-Данченко, или певцом, как Л.В. Собинов, или, наконец, художником, как В. Кандинский. Все это имена мирового уровня.

К сожалению, исторически так сложилось, что в российских общественных науках имен мирового уровня немного, а в сфере юриспруденции вообще практически нет. За всю 250-летнюю историю юридического факультета и всей российской юридической науки мы не можем назвать имена юристов, внесших вклад в развитие мировой юридической мысли. Я надеюсь, мы не будем считать социалистическое искажение времен СССР многих общепринятых правовых принципов каким-либо новаторством и вкладом в мировую правовую культуру.

Юристам не присуждают Нобелевских и иных общепризнанных мировых премий, поэтому горький факт традиционной нашей отсталости не особенно бросается в глаза. С учетом невысокого уровня и объема знаний иностранных языков и малого количества переведенной юридической литературы несомненный факт нашей отсталости не осознается и не переживается нашей юридической общественностью. Представляется, что недавнее 250-летие старейшего в России юридического факультета Московского университета и 85-летие со дня рождения Мишина являются поводом для того, чтобы этот факт констатировать, хотя бы ради того, чтобы подтолкнуть молодых исследователей к дерзаниям и повышению планки для оценки качества своих идей.

Кроме того, как писал в своих «Тезисах о правовой реформе в России» выпускник юрфака МГУ и Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Зорькин: «Мы сможем преодолеть отставание от ведущих стран мира, только используя право как серьезный ресурс развития России, встраиваясь в общемировые стандарты правового поведения... Следует признать, что Россия имеет отсталую правовую систему, и предпринять решительные шаги по проведению правовой реформы». Под каждым приведенным словом можно подписаться.

Почему я так свободно говорю о многовековой отсталости российской юридической науки здесь, на мемориальной конференции профессора Московского университета Августа Алексеевича Мишина? Потому что он составлял достаточно редкое исключение.

Профессор Мишин в непростых советских условиях подготовил и осуществил рецепцию важнейших мировых конституционных ценностей, в первую очередь доктрины разделения властей, которая в основном в результате его усилий органично вошла в текст Конституции РФ 1993 г.

Термин «конституционная экономика» в мире появился в 1982 г., но профессор Мишин с начала 70-х годов поддерживал и защищал в рамках науки конституционного права исследования, посвященные этой тематике — конституционной экономике.

Я уверенно могу сказать о том, что Мишин является классиком. Что такое классик в юридической науке? Вообще в любой общественной науке? Как это измерить, как измерить влияние человека на науку? Он преподавал так называемое государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. В действительности Мишин в то время, по сути, преподавал настоящее конституционное право. И это настоящее конституционное право он воспринимал из мировой практики, из западной практики, он помогал рецеп-

ции высших духовных ценностей, накопленных человечеством. Мы в России почему-то боимся этого слова: рецепция права. А ведь рецепция основных мировых конституционных ценностей у нас началась до появления новой России, до появления демократических веяний. Она осуществлялась через каждую лекцию Мишина. Права и свободы, разделение властей — все это шло через каждое его слово в течение десятилетий.

Я видел в жизни всего два мавзолея, которые поставили юристам. Один вы все знаете, — тот, что находится на Красной площади. А другой мавзолеем, на двоих, стоит в городе Болонья. Я не помню сейчас имен этих профессоров Болонского университета, но они в XII в. произвели рецепцию, компиляцию принципов, доктрин, концепций и норм римского права и внедрили их в итальянское законодательство, в жизнь, в практику, за что им и поставили мавзолеи. Их имена остались навечно. Потом из Италии, из Болонского университета, эти правовые идеи распространились по всей Европе.

Эти профессора считаются классиками, хотя они не сами придумали все это: они взяли то, что было, и сумели это в свою страну, в свое время внести.

То же сделал Мишин в отношении конституционного принципа разделения властей. Что касается конституционной экономики, у него на кафедре были не только соответствующие темы, но были и споры. Например, относится к финансовому или конституционному праву тема диплома «Военно-промышленный комплекс США»? А разделение властей в сфере бюджетных полномочий, взаимоотношения Президента и Конгресса? Август Алексеевич всегда категорически утверждал, что это никакое не финансовое, а государственное конституционное право, и в этом смысле закладывал основы конституционной экономики, крайне важного направления.

У нас когда-то говорилось: поэт в России — больше, чем поэт. Точно так же и профессор в России — больше, чем профессор. И уж точно, профессор Московского университета — он больше, чем профессор вообще. У нас профессоров много, а граждан, как говорил поэт, очень не хватает. Поэтому сейчас, в 85-летие Августа Алексеевича Мишина, мы должны сказать, зафиксировать и объяснить будущим поколениям, что среди нас были и классики науки, что они совершили огромный прорыв, который выводит Россию из того неправового и неконституционного состояния, где она пребывала почти 240 лет истории Московского университета и почти тысячелетие истории самой страны. И во многом это заслуга Августа Алексеевича Мишина.